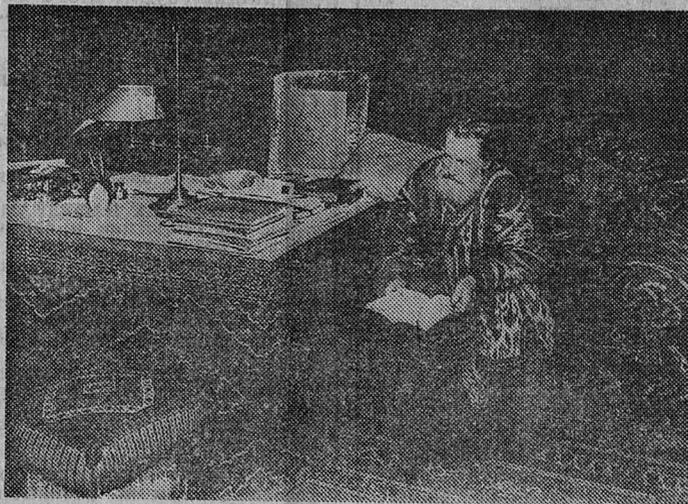

Первый иллюстратор «Слова»

«В местечке Зала находится усадьба Михая Зичи (1827—1906) — русского художника венгерской национальности» — эту странную фразу довелось мне прочитать этим летом в путеводителе по Венгрии. Заинтригованная загадочной формулировкой и ничего толком не зная о владельце усадьбы, я отправилась на ее поиски.

Оказалось, что от балатонского курорта Шнофок нужно ехать на крошечном, прямо-таки игрушечном поезде в три вагончика до Таба, а от станции до Зала — рукой подать, пять километров пешком. Маленький провинциальный городок Таб, лежащий вдали от туристских маршрутов, пустынная дорога, утопающая в зелени черешен, шелковиц и ореховых деревьев... А вот и Зала, где все, как видно, знакомы друг с другом и при этом ласково здороваются с пришельцами. Центр деревни — огромный старинный парк вокруг скромного одноэтажного дома, который отличается от прочих только высокими окнами художественной мастерской. Как я смогла убедиться, посетители редко нарушают покой музейных служителей, но дом и экспозиция поддерживаются в идеальный порядок. Переходя из зала в зал наедине с гидом, постепенно узнаешь историю жизни Михая (или, как его величали в России, — Михаила Александровича) Зичи.

Учеба в Вене, приглашение в Россию, служба в Петербурге, где Зичи становится придворным художником, много работает, обретает известность сперва в России, а затем и в Европе... Работы Зичи представляют его как прекрасного рисовальщика, книжного графика,

живописца, театрального художника. Фотографии, документы, коллекции знакомят с жизнью, богатой событиями, путешествиями, встречами с замечательными современниками. Медали и дипломы говорят о многочисленных победах на европейских выставках...

Среди анфилады комнат в том крыле дома, где мастерская и коллекции восточной мебели, утвари, оружия, ковров, — библиотека. Рассматривая полку за полкой, книгу за книгой, погружаешься в мир художника. Издания на французском, немецком, венгерском, русском, грузинском языках. Книги, что Зичи любил читать и перечитывать. Книги, любовь к которым заставила художника взяться за карандаш, перо, резец: Шекспир, Пушкин, Гете, Гончаров, Полонский... Первая среди книг на русском языке — «Игорь, князь Северский», на контртитule которой стоит дата — 1855 год, а под

иллюстрациями подпись — «Зичи» и более ранняя датировка — 1853-й.

Поразительно, что, только-только приехав в Россию, едва прикоснувшись к русской культуре, молодой художник взялся за труд поистине первооткрывательский. Это был не только его собственный дебют в книжной графике, но и первое иллюстрированное издание «Слова о полку Игореве». Ему предшествовал лишь один рисунок 1801 года, на котором художник Ф. Кинель (гравюра Н. Соколова) изобразил Бояна юным пастушком в княжеской одежде с лирой в руках.

Книга «Игорь, князь Северский», отпечатанная в императорской литографии в 1855 году, хранится в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Откроем ее еще раз. На пожелтевших от времени ли-

стах — бессмертные строки, на четных страницах — древнерусский текст, на нечетных — перевод Николая Гербеля. Предисловие украшает вишнетка с романтическим пейзажем. А вот и иллюстрации.

Суровый старец Боян с гуслими, позади него — русский воин, готовый к битве, женщина, заламывающая руки в мольбе о защите, на третьем плане — половец тащит пленного...

Во главе дружины на черном коне князь Игорь, над его головой кружит черное воронье...

Сцена полонения Игоря — романтически напряженная схватка русских с половцами, сплетение фигур, над которыми возвышается яростно сражающийся Игорь...

Встреча бегущего из плена князя с Донцом (в трактовке художника это аллегорическая фигура старца, подобного Нептуну)...

Четыре иллюстрации не пре-

тендуют на всеохватность и историческую достоверность. Да и откуда мог двадцатишестилетний венгр до тонкостей знать историю тогда еще чужой ему страны. Что же заставило его обратиться к драгоценному памятнику русской литературы? Скорее всего, смысл, дух и пафос «Слова о полку Игореве» совпали с думами художника о судьбе собственной родины, в чьей истории тоже было немало трагических и величественных страниц. Недаром в облике князя Игоря есть нечто от мадьярского магната, а половцы схожи с турками, под игмом которых страдал венгерский народ. Позже, уже маститым художником, иллюстрируя поэмы Яноша Араня, Шандора Петефи, Имре Мадача, заново постигая родную культуру, Михай Зичи как бы развивал намеченное талантливой, но неопытной рукой в литографиях к «Слову». Узнав и полюбив русскую историю, русскую литературу, он стал затем и одним из лучших иллюстраторов произведений Лермонтова, Гоголя, Руставели.

Много странствуя, порой по несколько лет проводя в родовом поместье Зала и в Будапеште, Михай Зичи нашел свою вторую родину в России. Около полувека состоял он на придворной службе, был избран почетным членом Академии художеств, обрел здесь дом и семью. Умер Зичи в Петербурге, похоронен в Будапеште. А в начале его жизненного и творческого пути осталось высокой точкой отсчета «Слово о полку Игореве».

Е. АЛЕКСЕЕВА

На снимках: иллюстрация Зичи к книге «Игорь, князь Северский»; Михай Зичи в своем петербургском «персидском» кабинете (фото 1902 года).

Фотографии предоставлены Архивом кинофотодокументов.